

Дмитрий Артюхов

САГА ИНОЙ ЛЕС

СТРАЖ КРОМКИ

Предыстория

Иной Лес

Дмитрий Артюхов

Иной Лес. Страж Кромки

«Автор»

2026

Артюхов Д. В.

Иной Лес. Страж Кромки / Д. В. Артюхов — «Автор»,
2026 — (Иной Лес)

Зима в Медвежьей Крепи пахнет голодом, кровью жертвенных птиц и дыханием подступающей Тьмы. Чтобы спасти больную жену и маленького сына, лучший воин рода Радогор добровольно принимает страшный жребий. Он навсегда покидает Явь и уходит за Кромку — туда, где искажённые корни Мирового Древа сдерживают натиск ледяных чудовищ. Но Иной Лес не принимает в уплату просто жизнь. Чтобы раны затягивались, а руки могли держать оружие, Древо поит Стражей своим соком, взамен выпивая их душу. С каждым боем Радогор теряет часть себя. Чтобы не забыть лицо жены, он вырезает её имя на внутренней стороне щита. Но как долго человек способен оставаться человеком, когда каждый удар топора неумолимо стирает его прошлое? «Страж Кромки» — это пронзительный, тёмный приквел к саге «Иной Лес». Узнайте историю Пустого Воина до того, как его мёртвый взгляд встретился с Сечимиром в «Тени Капища».

© Артюхов Д. В., 2026

© Автор, 2026

Дмитрий Артюхов

Иной Лес. Страж Кромки

Глава 1. Жребий Медведя

Зима в тот год пришла в Медвежью Крепь не гостьей, а голодным падалыщиком. Снег падал тяжело, глухо, заваливая срубы по самые волоковые оконца. За бревенчатым частоколом, там, где начиналась чёрная стена ельника, каждую ночь выли волки. Выли тоскливо, надрывно, подбираясь к самым воротам. У людей не хватало сил даже на то, чтобы отогнать их горящими головнями – голод высушивал тела, оставляя лишь жилы да выпирающие кости.

Радогор стоял у самого края капища, кутаясь в потёртый овчинный тулуп. Мороз пробирался под кожу, колот ледяными иглами, но воин почти не замечал его. В ноздри бил густой, железный запах свежей крови, смешанный с вонью палёной шерсти и горьким дымом можжевельника.

На плоском камне-алатыре, почерневшем от времени и копоти, лежал зарубленный жертвенный петух. Вещий, старец с лицом, похожим на иссушенный древесный корень, склонился над требухой. Его узловатые пальцы, измазанные в багровом, дрожали.

Кровь птицы не впитывалась в снег. На глазах у замершего племени она густела, сворачивалась и чернела, словно дёготь.

Вещий поднял мутные, выцветшие глаза. В них отражалось пламя жертвенного костра, но не было в них тепла.

– Равновесие пошатнулось, – голос старца, похожий на скрип сухого сука, разнёсся над заснеженным током. – Корни Мирового Древа гложут. Твари из Глубин, Исконные, рвут завесу. Лес требует плату. Договор требует Стража.

Слова повисли в морозном воздухе тяжёлыми камнями. Люди Медвежьей Крепи опустили взгляды. Каждый знал, что означают эти слова. Страж – это не просто воин, идущий в сечу. Страж уходит за Кромку, туда, где кончается Явь. Уходит, чтобы не вернуться. Уходит, чтобы стать безымянным корнем, сдерживающим тьму.

Тишину нарушал лишь треск перемёрзших брёвен в костре да сдавленный кашель из толпы. Кашляла Милолика. Жена Радогора.

Он резко повернул голову. Милолика стояла бледная, как первый лёд на реке, кутая в худой платок их шестилетнего сына. Глаза её впали, щёки обтянуло кожей. Третью луну её сушила злая хворь, а скудные запасы проса давно подошли к концу. Если не принести жертву Лесу, если Иномирье прорвётся в их мир – до весны не доживёт никто.

Вещий достал из-за пазухи кожаный мешочек с деревянными жребиями.

Радогор сделал шаг вперёд. Снег хрустнул под его тяжёлым сапогом громко, как ломающаяся кость.

– Не нужен жребий, отец, – голос Радогора прозвучал ровно и гулко.

Он расстегнул ворот тулупа, доставая свой нож, и полоснул лезвием по ладони. Подошёл к алтарю, сжал кулак. Тёплые, алые капли упали на чёрный камень, смешиваясь с дёгтем птичьей крови.

По толпе пронёсся единый, сдавленный выдох. Радогор был лучшим рубакой рода. Его топор не знал равных на медвежьей охоте. Но никто не посмел остановить его. Лес принял жертву – чёрная кровь на камне вдруг вспыхнула и ушла в камень без остатка, оставив лишь сухой, морозный пар.

Вечер в их истобке был тихим. Очаг давал скудное тепло, дым стлался по земляному полу, уходя в волоковое оконце.

Перед Радогором стояла глиняная братина. В ней плескался горький поминальный мёд – тёмный, отдающий полынью. Его пили только за тех, кто уже переступил порог смерти. Радогор обхватил холодную чашу обеими руками и выпил до дна в несколько долгих глотков. Вкус жёг нёбо, царапал горло.

Милолика сидела напротив. Её мозолистая, огрубевшая от работы рука легла поверх его руки. Пальцы жены были ледяными, и эта стужа казалась страшнее зимнего ветра за стенами.

Она не плакала. В роду Медвежьей Крепи бабы не выли, провожая за Кромку. Они хранили молчание, чтобы слёзы не отяжелили шаг уходящего.

Сын спал на полатах, укрытый старой овчиной. Радогор сидел боком к нему. Он смотрел в тлеющие угли, упрямо не поворачивая головы в сторону мальчика. Знал: если сейчас взглянет на худенькое, безмятежное лицо сына, если увидит, как вздымается во сне его грудь – не сможет переступить порог. Ноги прирастут к земляному полу.

Милолика разжала пальцы свободной руки. На стол легла небольшая фигурка, грубо вырезанная из дубового сучка. Медведь. Символ их рода.

– Держи крепко, – только и сказала она, и голос её надломился, как сухая ветка.

Радогор сгреб фигурку с шершавой столешницы. Сжал в кулаке так, что побелели костяшки, а острые края дубовой резьбы впились в ладонь, оставляя красные вмятины. Дерево было твёрдым, неподатливым. Как и его Долг.

Он поднялся. Тяжёлая кольчуга, скрытая под поддоспешником цвета охры, привычно легла на плечи. Он не обернулся. Только перешагнул через высокий порог, и в щель тут же рванул колючий, злой ветер, унося с собой тепло очага.

За дверью его ждал лес. И тишина, в которой не было ни жизни, ни надежды. Лишь сладковатый, тошнотворный запах тления, тянущийся со стороны Недоброй долины.

Глава 2. Шаг в Недобрую

Привычная, злая зима отступала с каждой пройденной верстой. Снег под сапогами перестал хрустеть по живому, звонко и чисто. Здесь, на подступах к Недоброй долине, он сменился тяжелой, серой крупчаткой, похожей на толченное стекло пополам с пеплом. Радогор шел тяжело, размеренно, экономя дыхание. Кольчуга холодила плечи сквозь плотный льняной поддоспешник, но этот холод был понятным, земным. Тот холод, что полз навстречу из чащи, пробирал глубже – до самых костей.

Ели, что час назад стояли плотной, враждебной стеной, теперь поредели. Они больше не прятали в своих лапах синие тени – их нижние ветви обломились под тяжестью неестественной наледи, а стволы покрывала белесая проказа, точно деревья медленно обращались в обглоданные кости.

Исчезли звериные следы. Не видать было ни заячьей петли, ни глубокой лисьей строчки. Не стало слышно даже скрипа мерзлых стволов, когда порывы ветра гуляли по верхушкам. Ветер здесь не гулял. Воздух стоял неподвижно, густо, словно в запертом подполе.

Тишина Недоброй долины не давала покоя. Она была агрессивной. Она давила на уши, забиралась под череп, вытесняя обрывки мыслей, как глубокая, темная вода заполняет пробитую лодку.

Радогор спустился в овраг, на дне которого лежало русло мертвого ручья. Наст уступил место скользкому, неестественно-сизому льду. В нормальном лесу даже в лютые морозы подо льдом можно услышать глухое, утробное ворчание живой воды. Здесь лед был глухим, как могильный камень. Под его мутной толщей угадывались темные, изогнутые тени вмерзших коряг, подозрительно похожих на скрюченные пальцы. Воин не стал вглядываться. Ступал осторожно, не сводя глаз с противоположного склона.

Воздух окончательно утратил морозную свежесть. В ноздри пополз приторный, тяжелый душок. Так пахло не честным тленом осенней листвы, и не замерзшей падалью. Это был

сладковатый, тошнотворный запах, какой бывает в избе, где несколько дней кряду, за наглухо закрытыми ставнями, лежал покойник. Дыхание Иномирья.

Тропа, если эту проплешину меж мертвых стволов можно было так назвать, вильнула и вывела к подножию каменной гряды. Черные, изъеденные безымянными ветрами валуны, громоздились друг на друга, образуя узкое, кривое ущелье. На самих камнях не росло ни лишайника, ни мха – лишь густая, как деготь, изморозь покрывала их шербатые бока.

У самого входа в ущелье, там, где вымороженная земля переходила в голый камень, сидела она.

Сторожиха.

Она казалась продолжением этого проклятого места. Сгорбленная фигура почти сливалась с фоном. Лохмотья, в которые она куталась, были сотканы из пожухлого болотного мха, гнилых камышовых стеблей и серой паутины. Радогор остановился в трех шагах. Левая ладонь, рассеченная на утреннем капище, вдруг заняла с новой силой – кровь почуяла близость Кромки.

Сторожиха медленно, со скрипом, похожим на звук трущегося дерева, подняла голову. Из-под глубокого, нависающего капюшона на воина взглянули глаза. В них не было ни зрачков, ни белков – лишь мутная, стоячая вода Слепого Мха. Вода эта ничего не отражала, она лишь затягивала в себя свет.

Никто из них не произнес ни слова. Стражам Кромки не нужны напутствия, а Сторожихе не нужны пустые звуки живых.

Она протянула руку. Пальцы ее, длинные, суставчатые, напоминали высохшие корни ольхи. Под ногтями чернела земля, которой не было в Яви.

Кромка требовала пошлину. Никто не проходит за грань без отдатка. Радогор знал обычай, переданный шепотом от дедов. Он потянул из ножен на поясе свой короткий за сапожный нож. Поймал замерзшими пальцами жесткую, темную прядь собственных волос над ухом и с силой полоснул по ней тусклым лезвием. Волосы – это память Рода, нить, привязывающая человека к его земле, к очагу, к предкам. Отдавая их, ты разрезаешь пути.

Он вложил жесткий пучок волос в подставленную деревянистую ладонь.

Пальцы Сторожихи сомкнулись. Ни единый мускул не дрогнул на ее лице, похожем на изрытую кору. Когда она снова раскрыла ладонь, волосы исчезли. На серой коже осталась лишь горстка пепла, которую тут же слизал внезапный порыв затхлого ветра. Жертва была принята.

Сторожиха опустила руку и молча указала во тьму ущелья.

Зев меж двух исполинских валунов дышал. Оттуда, из черного, непроглядного провала, медленно вытекал густой, почти маслянистый туман с желтоватым отливом. Сладковатый запах тления ударил в лицо с такой силой, что к горлу подкатил горький ком. Воздух здесь не просто пах – он имел вес, он оседал на языке привкусом старой меди и гнили.

Радогор опустил свободную руку в глубокий карман портов. Жесткие, угловатые края дубового медведя впились в подушечки пальцев. Дерево, вырезанное руками Милолики, хранило в себе слабое, крошечное тепло. Последнее тепло живого очага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.